Статьи. Теория

Давид Г. Хумарян
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Утопия «гибкого мира»: политика гибких производственных режимов

В статье предлагается развернутое описание и социологический анализ теорий гибких производственных режимов: исследуются социально-исторические условия их производства, теоретическая эволюция основных концепций и политического содержания. Автор принимает в качестве необходимой предпосылки исследования положение о том, что большинство современных теорий, в которых «гибкость» используется в качестве основной концептуальной единицы, восходят к теории гибкой специализации производства. Гибкая специализация как экономическое явление и как научная парадигма политической экономии появилась в середине 1980-х годов и служила теоретическим обоснованием для политических мер по дерегуляции рынка. Автор показывает, что отдельные гибкие экономические режимы, которые рассматриваются в теории гибкой специализации в качестве доказательной базы, в сущности складывались под действием политической воли, мер государственного протекционизма и процесса диверсификации крупного промышленного капитала. Несмотря на этот факт, «методологический пуризм» в исследованиях гибких режимов продолжал доминировать, и концепция гибкой специализации получила дальнейшее развитие в экономической социологии и организационной теории. По мере своего развития данное направление исследований постепенно заражалось политическими импликациями — в манифесте постиерархических организаций Зубофф можно легко разглядеть позитивную политическую программу. Неожиданным образом на рубеже 1990–2000-х годов гряд положений из теории гибкой специализации перекочевали в критические тексты, пропитанные идеями «исхода», отказа от «капиталоцетризма», развенчания формального и содержательного значений экономического и пр. Автор статьи выражает сомнение в состоятельности политических суждений, связывающих оптимистичные ожидания с развитием и рас-

Хумарян Давид Гагикович — исследователь, аспирант ВШЭ (Высшая школа экономики). Научные интересы: экономическая антропология, социальная теория, социология труда, политическая социология. E-mail: ddpostcard@gmail.com
David G. Khumaryan — graduate student at the Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia. Research interests: economic anthropology, social theory, sociology of labor, political sociology. E-mail: ddpostcard@gmail.com

пространением гибких форм экономического взаимодействия, но, так или иначе, для левой политической повестки и социальной критики данный вопрос все же останется предметом дискуссий на ближайшие 10-15 лет.

Ключевые слова: экономическая гибкость, гибкая специализация, постфордистские дебаты, постфордизм, политическая экономия

David G. Khumaryan, Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia
"Flexible World" Utopia: The Politics of Flexible Production Modes

This article provides a detailed summary and sociological analysis of the theories of flexible production modes, tracing the socio-historical conditions of the production of these theories, the theoretical evolution of the basic concepts and their political content. The author sets out from the assumption that the majority of modern theories in which "flexibility" is used as a key concept derive from flexible specialization theory. The flexible specialization of production as an economic phenomenon and as a scientific paradigm of political economy appeared in the mid-1980s and served as the theoretical basis for market deregulation policy. The author shows that some flexible economic regimes — which are considered in the theory of flexible specialization as pure sources of evidence — in fact evolved under the influence of political will, actions of state protectionism and the process of diversification of big industrial capital. Despite this fact, "methodological purism" continued to dominate in studies of flexible regimes, and the concept of flexible specialization was further developed in economic sociology and organizational theory. With the development of this research domain, it was gradually infected with political implications — it is easy to recognize the traces of a positive political program in Zuboff's manifesto of post-hierarchical organizations. At the turn of the 1990s-2000s, a number of assumptions of the flexible specialization model have unexpectedly migrated into critical texts saturated with ideas of "exodus", rejection of "capitalocentrism" and the separation of formal and substantive economic values. The author expresses doubt concerning the adequacy of political judgments linking optimistic expectations with the development and proliferation of flexible forms of economic cooperation. The paper argues that this issue will remain the subject of debates within the left political agenda and social critique for the next 10 to 15 years.

Keywords: economic flexibility, flexible specialization, post-Fordist debate, post-Fordism, political economy

doi: 10.22394/2074-0492-2018-4-12-46

Введение в проблематику исследования

Большинство современных концепций «гибкого» (*flexible*) капитализма, которые охватывают целый ряд явлений — от «гиб-

кой» парадигмы накопления в условиях позднего капитализма[1] до гибкой специализации производства, — были разработаны еще в 1980-е–1990-е годы. Хотя между существующими подходами к описанию гибких форм производства, труда и организационной структуры несложно усмотреть концептуальное сходство, говорить о консистентной теории гибких экономических режимов не приходится. Скорее речь идет о разнонаправленных попытках ухватить динамику постиндустриального капитализма в границах метафоры «гибкости»: гибких производств/труда, гибких или множественных онтологий, подвижных сетевых структур, организованных дискреций и пр.

Люк Болтански и Эв Кьяпелло, авторы влиятельной концепции «нового духа капитализма», отводят метафоре «гибкости» и «сетей» роль нового идеологического конструкта, который скорее оправдывает тенденцию к переносу производственных и регуляционных издержек на работников и контрагентов, нежели описывает повсеместную трансформацию трудовых отношений[2]. Концепт гибкости не ограничивается экспансией в сферу экономики: по замыслу авторов «Нового духа капитализма», гибкая модель отношений лежит в основе принципиально нового режима социальной координации — «проектного града»; проектная логика труда разбивает целостный режим производства на цепи дискреций — гибких форм кооперации, которые связываются воедино проектным менеджментом[3].

Болтански и Кьяпелло определяют *гибкость*, суммируя основные тезисы, представленные в работах на эту тему: «Гибкость эта состоит из гибкости внутренней, основанной на глубокой трансформации организации труда и используемых технических методов (многопрофильность, самоконтроль, развитие независимости и т.д.), и гибкости внешней, которая предполагает так называемую сетевую организацию труда, когда “бережливые” (*lean*) предприя-

1 В понятии «позднего капитализма» суммируются многочисленные социологические деноминации послевоенного капиталистического общества — «постиндустриальное общество», «общество медиа», «информационное общество» [Jameson, 1991].

2 «Одним из главных направлений новой стратегии предприятий был, как мы видели, значительный рост того, что, начиная с 80-х годов называют гибкостью, которая позволяет, в частности, перенести на наемных работников, но также на субподрядчиков и других производителей услуг груз рыночных рисков» [Болтански, Кьяпелло, 2001, с. 382].

3 Как несложно догадаться, «проектный град», будучи изначально строго экономической моделью организации труда, в концепции французских социологов распространяется и на другие — неэкономические в строгом значении — сферы и виды деятельности.

тия находят отсутствующие у них средства у богатых субподрядчиков и рабочую силу, гибкую в отношении занятости (временная работа, замещение, самостоятельные работники), в отношении графиков или продолжительности работы (неполный рабочий день, гибкие графики)» [Болтански, Кьяпелло, 2001, с. 382]. Из данного определения следует, что движение в сторону большей гибкости экономических режимов затрагивает как труд самих работников, так и *modus operandi* организаций — Болтански и Кьяпелло не без оснований[1] называют этот процесс «деконструкцией мира труда» [Там же, с. 380-485].

На наш взгляд, довольно общий подход к определению гибкости, предложенный здесь французскими социологами, в большей степени отражает гетерогенный характер самих теорий флексибилизации труда и хозяйственных режимов, нежели указывает на слабость этого определения. Действительно, речь идет о множестве попыток обозначить парадигмальный сдвиг в системе хозяйственных отношений с разных сторон: с позиций изучения современной структуры занятости [Atkinson, 1984], внутриорганизационных изменений [Atkinson, 1985; Zuboff, 1988], изменений производственного цикла [Piore, Sabel, 1984; Kern, Schumann, 1984; Kenney, Florida, 1993], динамики капитализма и режима накопления [Harvey, 1989; Vidal, 2013][2].

Очевидно и то, что работа Люка Болтански и Эв Кьяпелло представляет собой пример метатеории гибких экономических режимов, и поэтому есть все основания полагать, что истоки традиции следует искать в текстах, изданных задолго до «Нового духа капитализма» (1999). Беглый обзор научной литературы, посвященной данному вопросу, приводит нас в поле дискуссии внутри политической экономии и экономической социологии 1980–90-х годов. Так называемые постфордистские дебаты начались примерно за десятилетие до того, как размышления о гибкости и нематериальном труде в эпоху постфордизма [Вирно, 2013; Хардт, Негри, 2004; Lazzarato, 1996] и посткапитализма [Mason, 2015] закрепились в мейнстриме философии — в основном благодаря усилиям итальянских теоретиков постопераизма, работы которых не только переведены на русский, но и разъясняются в обзорных текстах [Кальк, 2017; Пензин, 2012]. Примечательно, что в русскоязычной рецепции классического текста Болтански и Кьяпелло, как и произведений постопераистов,

1 В частности, этой теме посвящена отдельная глава книги «Новый дух капитализма» — авторы развивают тезис о декомпозиции сферы трудовых отношений и производственных систем, опираясь на статистические данные об изменениях на рынке труда во Франции.

2 Беглого ознакомления с работами упомянутых авторов достаточно, чтобы убедиться в политической и концептуальной неоднородности их взглядов.

доминирует философский анализ содержания данных теорий как автономных и вырванных из исторического и теоретического контекстов их становления.

Поэтому одна из целей нашей работы сводится к тому, чтобы реконструировать концептуальное ядро теорий флексибилизации, проследив генеалогию понятия «гибкости», масштабно задействованного в трудах Болтански и Кьяпелло и итальянских постопераистов, от его предположительного источника, а именно — теории *гибкой специализации* Майкла Пиоре и Чарльза Сэйбла [Piore, Sabel, 1984]. С учетом того, что содержание постфордистских дебатов в общем виде уже изложено в русскоязычной литературе [Шевчук, 2002], в данной статье я сосредоточу внимание на историко-теоретическом анализе парадигмы гибкого производства.

Выбор отправной точки исследования объясняется тем, что: a) работа Пиоре и Сэйбла относится к числу самых ранних текстов, затрагивающих релевантную тематику[1], b) концепция гибкой специализации представляется эмпирически наиболее консистентной и c) продемонстрировала способность наиболее полно описывать данные, поступавшие в течение следующих 20–30 лет.

Затем я постараюсь показать, как развивался концепт гибкости и гибких экономических режимов на рубеже 1980-х–90-х годов, и в каком виде он формулируется в актуальных для современной организационной и экономической социологии теориях *постиерархических организаций* и *гетерогенной экономики* (diverse economy).

Далее я сделаю попытку раскрыть, строго говоря, политические следствия упомянутых концепций. Вопрос о политических импликациях гибких экономических режимов представляется едва ли не самым многообещающим с исследовательской точки зрения; многообразие, сложность и эклектичность политического содержания нейтральных лишь на первый взгляд концепций поразительны и заслуживают более пристального внимания, чем ему уделяет большинство российских и зарубежных авторов.

Теория гибкой специализации и ее критика

Согласно отчету международной Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) 1986 года, гибкость является «элементом первостепенного значения для экономического прогресса» [Pollert, 1988a, p. 281]. В начале 1980-х правительства передовых капиталистических стран оказались перед необходимостью рефор-

1 Монография Сэйбла, в которой закладывается основа теории гибкой специализации, датируется 1982 годом [Sabel, 1982].

мировать экономическую политику и политику регулирования занятости в стремлении достичь большей гибкости и обеспечить благоприятные условия для экономического роста. Для бизнеса это прежде всего означало отход от ригидного цикла производства, сокращение штата и расходов на заработную плату, увеличение производительности труда, сокращение логистических издержек, массовое внедрение показателей эффективности и т.д.[1] [Pollert, 1988a; Pollert, 1988b].

К моменту принятия политического решения о необходимости переустройства экономического ландшафта в социальных науках существовало как минимум два крупных направления, позволявших легитимировать столь рискованное предприятие. В области организационной социологии речь идет о теории гибкой фирмы Джона Аткинсона [Atkinson, 1985; Atkinson, Meager, 1986], которая довольно скоро приобрела статус управленческой парадигмы и после критики со стороны британских левых перестала иметь серьезное значение для научных дебатов того времени [Pollert, 1991]. Подобного нельзя сказать о теории гибкой специализации производства, в рамках которой была предложена концептуально и исторически более емкая апологетика гибких экономических режимов.

Термин *«гибкая специализация»* впервые встречается в работе «Второй индустриальный переход» («The Second Industrial Divide», 1984) экономиста из MIT Майкла Пиоре и его коллеги, профессора факультета политических наук MIT Чарлза Сэйбла [Piore, Sabel, 1984]. Этот труд приобрел большую популярность, преимущественно в среде англоязычных экономических историков и социологов[2], и спровоцировал плодотворную научную дискуссию на тему флексибилизации производства в эпоху постфордизма.

Согласно Пиоре и Сэйблу, спустя почти век своего безраздельного господства фордизм отступает перед альтернативной *технологической парадигмой* — гибкой специализацией. Гибкая специализация производства в то же время не является исторически новым явлением, и в этом отношении авторы концепции не производят никакой «революции». Напротив, совершается попытка «денатурализации фордизма» как исторически неизбежной ступени в эволюции спо-

1 В общем все то, что в данный момент прочно ассоциируется с рыночным понятием «эффективности».

2 Помимо авторов «Второго индустриального перехода» концепцию гибкой специализации впоследствии развивали Джонатан Цайтлин в США и Пол Хирст в Британии. Однако и в континентальной Европе теория нашла единомышленников: в Германии родственная гибкой специализации концепция «новой производственной парадигмы» разрабатывалась усилиями Хорста Керна и Михаэля Шумана [Kern, Schumann, 1984].

собов производства, за которой в свою очередь должен последовать новый тип производства.

В программной статье, посвященной анализу исторических альтернатив фордизму, Сэйбл и Цайтлин отмечают, что гибкая специализация как специфическая технологическая парадигма не только существовала в период активной индустриализации, но и в известной мере содействовала развитию технологии массового производства, так как «производство узкоспециализированных станков, необходимых для массового производства, само по себе не могло быть массовым» [Sabel, Zeitlin, 1985, p. 138]. В XIX веке небольшие по масштабам гибкие производства, сосредоточенные в отдельных промышленных районах, существовали в Лионе, где производились шелковые ткани, Сент-Этьене, где изготовляли станки и сталелитейную продукцию, а также в Эльзасе, Шеффилде, Ремштейне и других европейских индустриальных центрах того времени [Ibid., p. 142]. Такие предприятия отличались от массовых фабричных производств прежде всего моделью организации производства и сбыта:

- они варьировали ассортимент производимой продукции в ответ на изменчивый спрос;
- ориентировались как на внутренний, так и на зарубежный сильно дифференцированный рынок;
- создавали новые потребительские рынки, диверсифицируя предложение;
- создавали и использовали «гибкие технологии», более производительные и универсальные (например, жаккардовый ткацкий станок);
- объединялись в региональные ассоциации: небольшие предприятия могли развивать дорогостоящие инновации лишь в условиях сохранения баланса между кооперацией и конкуренцией; если того требовала ситуация, они объединяли индивидуальные производственные циклы в единый «конвейер», умножая производительность и масштабы.

Отметим здесь, что целью авторов теории гибкой специализации в конечном итоге была историзация фордизма. С одной стороны, им удалось предложить вполне убедительный образ исторической альтернативы массовому стандартизованному производству, которое в итоге одержало верх, а с другой — объяснить экспансию фордизма в логике волюнтаризма политический решений, а не исторической неизбежности или объективных закономерностей развития промышленного капитализма.

Дальнейшие исследования экономически эффективных, но так и не ступивших на путь массовой стандартизации производственных режимов усилили значение историографических выкладок авторов концепции. Так, существенное влияние на развитие кон-

цепта гибкой специализации оказали исследования экономики «Третьей Италии» — региона Эмилия-Романья на северо-востоке Италии [Brusco, 1982; Becattini, 2004; Rinaldi, 2005]. В конце 1970-х годов промышленные кластеры Эмилии-Романьи привлекли внимание исследователей-экономистов и социологов. Несмотря на минимальное присутствие промышленных гигантов, экономика региона демонстрировала устойчивый рост. Уровень безработицы был едва ли не самым низким в Италии, а доля Эмилии-Романьи в структуре национального экспорта стабильно росла на протяжении 10 лет вплоть до 1980-х годов, когда появились первые публикации на эту тему [Brusco, 1982, p. 168-171].

На протяжении последующих 20 лет *эмилианская модель (Emilian model)* продолжала оставаться предметом пристального внимания исследователей гибких режимов. Организованная на основе кластеров малых предприятий и самозанятых ремесленников, производивших товары личного потребления, изделия из кожи, керамики и металлов, эта модель выглядела явным анахронизмом в эпоху гигантомании промышленных предприятий. Однако успешные экономические показатели требовали ответа на ряд вопросов, например, о том, в какой мере опыт Эмилии-Романьи детерминирован внешними по отношению к производству факторами (социальными/институциональными и/или политическими); насколько случай Эмилии уникален, и реплицируема ли эмилианская модель в принципе. Теоретикам гибкой специализации экономика Эмилии-Романьи представлялась прежде всего правдоподобной иллюстрацией переходной траектории от массового производства к постфордистской гибкой экономике. Преимущества эмилианской экономической модели — высокий уровень технического оснащения предприятий, гибкое использование рабочей силы[1], кооперация, высокая дифференциация продукции и гибкость стратегий выхода на рынок — вплоть до мелочей согласуются с теорией Пиоре и Сэйбла. Ряд экзогенных факторов, о которых говорилось в исследованиях Третьей Италии (например, эластичный спрос и растущая сегментация потребительских рынков), также вполне соответствовали выводам теоретиков гибкой специализации: колебания спроса, изменчивость рыночных предпочтений диктовали необходимость постоянной диверсификации производимой продукции или, иными словами, заставляли местные предприятия проявлять гибкость в выборе маркетинговой стратегии и распределении ресурсов

1 Под «гибким» использованием труда здесь понимается мобилизация трудовых ресурсов *ad hoc* и активное привлечение нелегальной рабочей силы (`black` labour) [Brusco, 1982, p. 170].

производства. Развитию эмилианской модели благоволил и общий тренд потребления, сложившийся в 1970–80-е годы, а именно дифференциация потребительских предпочтений и постепенный отказ от продукции массового производства [Brusco, 1982, p. 171-173].

Кейс Третьей Италии предлагал внятное эмпирическое обоснование концепции, описывающей новую гибкую парадигму организации производственного цикла и успешного выживания малых организационных форм в условиях современных высокодифференцированных рынков. Из этого факта теория гибкой специализации черпала свою легитимность и вдохновение в начале 1980-х годов. В следующие 20-30 лет эмпирическая база, на которую в своих выводах могли бы опереться Пиоре, Сэйбл и их коллеги, существенно выросла. В качестве релевантных примеров соответствовали современные им машиностроительные производства в Баден-Вюртемберге, инновационные кластеры Route 128 и Кремниевая долина в США, промышленные кластеры Хайдарабада, хайтек-кластеры Пекина, Гонконга, Шанхая и Сингапура [Vallas, 1999].

К началу 1990-х сложилась группа историков, экономистов и социологов, чьи исследования были весьма схожи по результатам: в них исправно диагностировались летальные для фордистских институтов процессы трансформации системы производства в весьма далеких друг от друга сферах экономической и социальной жизни — в киноиндустрии [Storper, 1994; Storper, Christopherson, 1985], автомобильной индустрии [Dohse, Jürgens, Malsch, 1985], медицине и системе государственного здравоохранения [Scott, 2004], в сфере наемного труда [Appelbaum, Albin, 1989] и региональных экономиках [Berggren, 1989]. Широкое применение подхода, разработанного в рамках теории гибкой специализации, ожидаемо спровоцировало встречную критику.

В 1994 году опубликован важнейший для актуального состояния постфордистских дебатов сборник статей, в котором центральное место заняла полемика между гибкой специализацией и теорией регуляции [Amin, 1994]. Редактор сборника Эш Амин выделяет два ключевых направления критики концепции гибкой специализации. Самая очевидная критика модели Сэйбла и его коллег указывает на примитивность разделения производственных режимов на стадии до и после «индустриального перехода», знаменующего движение от эпохи массового производства к гибкой парадигме. Амин справедливо замечает, что авторы концепции не формулируют теоретических предпосылок индустриальных переходов, ограничиваясь лишь констатацией факта об упадке или кризисе фордизма вследствие стагнации массового спроса и возникновения новых трендов потребления (спроса на уникальные продукты с непродолжительным жизненным циклом). В результате вся

концепция гибкой специализации выстраивается вокруг «карикатурной» оппозиции между ригидным массовым производством и гибкой специализацией (а также деквалификацией труда в эпоху фордизма и квалифицированным гибким трудом)[1]. Подобный дуализм приводит к упрощению реальной картины, не позволяет различить «пограничные» и сложные типы, не встраиваемые в бинарную оптику[2].

Второе направление критики концепции гибкой специализации направлено на ее склонность «слишком легко скользить между волюнтаризмом и исторической логикой в объяснении переходов от одной промышленной парадигмы к другой», как изящно резюмирует Амин [Amin, 1994, p. 15-16]. Исследования Третьей Италии последних лет подтверждают справедливость данного замечания. Напомним, что доминирование фордистского типа производства в теории гибкой специализации частично объясняется достижением неочевидного, но желанного политического компромисса между рабочими, профсоюзами и капиталом[3]. Именно таким образом доказывается экзогенный характер причин, приведших к расцвету фордизма, тогда как технические преимущества фордизма вторичны при объяснении первого индустриального перехода. Вместе с тем исторически репрессированная модель гибкого производства приобретает статус эссенциалистских теорий, которые в типичной манере провозглашают триумфальное возвращение вытесненных форм социальной и политической жизни (в противном случае уместно вернуться к вопросу о том, каковы теоретические предпосылки, объясняющие переход от фордизма к гибкой парадигме, а не другим формам организации производства). Логичным стал бы вывод, что к распространению гибкой модели также привели экзогенные причины, мало относящиеся к преимуществам кооперативного труда, тонкой настройке производства, чувствительного к колебаниям спроса, и т.д. Подобное допущение оставляет открытым вопрос о том, почему именно гибкая специализация приходит на смену фордизму, и адекватна ли общая теория индустриальных

1 К тому же есть основания полагать, что сам фордизм был вовсе не таким, каким его обычно изображают авторы большинства текстов, в которых так или иначе концептуализируется переход к сложному и текучему постфордистскому миру [Clarke, 1992].

2 Тезис о невозможности полного замещения одной производственной парадигмы ее альтернативой представлен в [Dawson, Webb, 1989]; пример теории гибридных хозяйственных режимов предложен Мишелем Аглиетта в концепции «неофордизма» [Aglietta, 1979].

3 Положение, общее для марксистов французской Школы регуляции и авторов концепции гибкой специализации.

переходов, если, согласно авторам концепции, формы организации производства контингентны, а не подчинены исторической логике.

Высказанное нами выше допущение не кажется невероятным: достаточно обратиться к условиям возникновения индустриальных кластеров в Эмилии-Романье, чтобы убедиться — гибкая модель в этом регионе развивалась вследствие экзогенных, а не эндогенных причин. Действительно, насколько известно, эмилианская модель не была ответом на кризис фордизма в Италии и не предлагала несомненных преимуществ, но напротив, как мы покажем далее, она стала результатом политической воли и сложившейся на тот момент в регионе констелляции политических сил.

В классическом исследовании Себастьяно Бруско [Brusco, 1982], на которое неоднократно ссылались авторы теории гибкой специализации, содержится прямое указание на то, что эмилианская модель во многом обязана успехом ряду факторов, внешних по отношению к производству как таковому. Самым важным из этих факторов стала слабость региональных профсоюзов, обусловленная отсутствием значимого числа крупных предприятий. Именно пассивность профсоюзных движений сыграла, возможно, решающую роль в вопросе переноса больших объемов производства из старых промышленных областей Италии, где продолжал господствовать фордизм, в Эмилию-Романью.

Масштабные выступления итальянского рабочего движения в 1960-е годы повлекли за собой всплеск активности профсоюзов в ведущих индустриальных центрах страны — Пьемонте и Ломбардии. Децентрализация производства и перенос отдельных производственных циклов на небольшие предприятия в безмятежной Эмилии представлялись руководству северных промышленных гигантов наиболее разумным выходом из сложившейся ситуации. Именно на этом, в частности, настаивает критика теории индустриальных переходов, в которой говорится, что гетерогенность и разнообразие форм организации труда и способов накопления исторически присущи капитализму в принципе. И отражают они не естественную динамику индустриальных переходов, а диверсификацию крупного капитала [Smith, 1989].

Продолжая тему политических условий возникновения эмилианской модели, нельзя не упомянуть о той роли, которую сыграло руководство местного отделения Итальянской коммунистической партии (PCI). Эмилия-Романья исторически считалась цитаделью итальянских левых — с 1970 по 1990 г. регион возглавляли выходцы из PCI, с 1990 по 2005 г. — новые социалисты (PSI) и организованная на месте прежней PCI «партия левых демократов» (PDS, DS). С 2005 г. и по сей день президентский пост в Эмилии-Романье занимают политики из левоцентристской коалиции Демократическая пар-

тия (PD). Экономист Альберто Риналди из Университета Модены и Реджио Эмилии указывает, что долгая (со времен Второй мировой войны) история гегемонии левых политических сил в регионе способствовала формированию своеобразного культурного ландшафта — «коммунистической субкультуры», которая на протяжении длительного времени парадоксальным образом позволяла поддерживать политический и идеологический консенсус между городским рабочим классом, фермерством, средним классом и бизнесом [Rinaldi, 2005, p. 247].

В более поздних исследованиях эмилианской экономики доминирует мнение, что PCI в 1970-80-е годы проводила в регионе достаточно эффективные меры поддержки малого и среднего бизнеса, чем разительно отличалась как от компартий в других европейских странах, так и от своих же отделений в соседних регионах Италии [Capecchi, 1990]. Оформление правовых институтов и финансовой экосистемы производственных кластеров в Эмилии-Романье произошло благодаря политическим мерам, инициированным PCI. Партия содействовала созданию ассоциаций производителей, консорциумов по маркетингу и закупкам, а также предоставляла значительные преференции «кредитным кооперативам». Региональное руководство PCI замещало ряд функций корпоративной бюрократии, гарантируя соблюдение *fair play* [Rinaldi, 2005, p. 247]. Таким образом, Эмилия во многом обязана своим существованием сложному стечению внешних обстоятельств, а не процессу закономерного развития производительных сил, как на том настаивает теория индустриального перехода.

Исследования последних 10 лет позволяют говорить о приоритетном значении экзогенных факторов для существования эмиалианской модели уже с уверенностью: в своем первоначальном виде она бы не выстояла перед натиском, вероятно, более мощных, глобальных трендов в области принципов организации труда. Спустя 25 лет после публикации первого исследования о регионе [Brusco, 1982], Риналди обращает внимание на произошедшие здесь кардинальные перемены в устройстве производственных кластеров. Внедренная в практику большинства ведущих предприятий Эмилии *Система тотального контроля качества* (Total Quality Management, TQM) подчинила процесс производства требованиям спроса крупных контрагентов. Это быстро привело к деградации горизонтальной структуры отношений внутри кластеров и спровоцировало процесс растущего разделения труда между организациями по принципу расслоения когнитивных компетенций [Ibid., p. 12].

В сущности это означало конец горизонтальной утопии — предприятия в местных кластерах разделились по трем типам компетенций: первые оказались у основания пирамиды и взяли на себя

базовые производственные операции, вторые занимали промежуточное положение, изготовляя необходимые для сборки компоненты, наконец — на самой вершине этой пирамиды расположились компании, которые отвечали за конечную сборку и подготовку продукта к выходу на рынок (это предполагает наличие компетенций в области инженерии, дизайна, маркетинга, R&D).

К слову, в исследовании инновационных кластеров в США отмечалось, что аналогичные процессы деления компетенций и становления иерархии в свое время губительно сказались на перспективах развития конкурирующего с Кремниевой долиной кластера Route 128 в Массачусетсе [Saxenian, 1994]. Можно констатировать, что теория гибкой специализации в своей объяснительной модели «заблудилась» между волюнтаризмом и историзмом.

Экскурс в историю идей: гибкая специализация *vs* фордизм

Исторический крах гибкой специализации как парадигмы производства и отношений между трудом и капиталом Сэйбл и Цайтлин частично объясняют поражением идейных вдохновителей подобной модели во второй половине XIX века. По мнению авторов концепции, решающее значение в судьбоносной дискуссии о развитии капиталистической модели экономики имели дебаты между Прудоном и Марксом. Исход этих дебатов создал иллюзию исторически неизбежного перехода от гибкого кооперативного труда к массовому производству (*large-scale industry*) и в конечном счете приблизил фордистскую революцию труда [Sabel, Zeitlin, 1985, p. 143].

Прудон в противовес Марксу утверждал, что принцип конкуренции не противоречит кооперации и солидарности рабочих, а внедрение машин на производстве не приводит к декомпозиции навыков (забегая вперед, отметим, что критика положения о деквалификации рабочих вследствие механизации труда стала одной из ключевых для позднейшей апологетики гибких производственных режимов). Скорее наоборот — машины «сцепляют» дискретные фрагменты трудового процесса, являясь своевременной реакцией «промышленного гения» на насильственное разделение труда и разложение кооперативных форм производства.

Теоретики и практики гибкой модели труда видели в формах трудовой (и финансовой) кооперации реальную историческую альтернативу процессам перехода капитала в фазу его интенсивного накопления. Прудон во Франции, лидер Ордена рыцарей труда Теренс Паудерли в США, Герман Шульце-Делич, основатель сети успешных кредитных кооперативов («кредитных товариществ») для самоза-

нятых ремесленных рабочих в Германии, — каждый в отдельности являлись выразителями интересов класса ремесленников и мелкой буржуазии в своих странах, предлагая свое видение настоящего и будущего капитализма. Эти трое «в отличие от Смита и Маркса были погружены в жизнь трудящихся классов своего времени: Прудон, будучи работником типографии, был хорошо знаком и очевидно вдохновлялся полуподпольным миром торговых гильдий (*trade fraternities*) и обществ взаимопомощи, которые пережили Революцию и процветали во Франции еще незадолго до 1848 года; Паудерли стал квалифицированным механиком в технологически развитом мире машиностроительных предприятий Филадельфии; Шульце-Делич был юристом, который примкнул к ремесленным рабочим в ходе неудавшейся Мартовской революции 1848 года в качестве их официального представителя во Франкфуртском национальном собрании и делегата от германских ремесленников (*Handwerker*[1]). Они дали право голоса рабочим движениям, возникшим в 1880-х годах. И вновь в противоположность Марксу и Энгельсу, которые не пользовались большой популярностью вплоть до конца XIX в., их идеи зачастую были вдохновлены проектами кооперативного производства» [Ibid., p. 143].

Сейбл и Цатлин полагают, что анархизм Прудона, республиканский юнионизм Паудерли и леволиберальный проект кредитных товариществ ремесленников Шульце-Делича напрямую выводились из опыта и понимания *реального* «контекста политических идиом и условий производства», недоступного «вышколенным теоретикам массового производства».

Тезис, согласно которому Маркс, возможно, против собственного желания стал одним из крупнейших теоретиков массового производства, примечателен, однако в процитированной статье он недостаточно развернут. В своем анализе авторы используют достаточно ограниченный корпус текстов, обращаясь к «Нищете философии» Маркса, где тот обрушивается с критикой на книгу Прудона «Философия нищеты».

Прудон видел в машинах «протест промышленного гения против раздробленного и человекоубийственного труда», т.е. по существу функцию, обратную дегенеративному процессу разделения труда на фабриках. Данное соображение он дополняет выводом, что корень зла лежит не в машинах как таковых, а в политической организации труда на фабриках, где квалифицированных ремесленников превращают в чернорабочих посредством машин. Маркс парирует,

1 Так в Германии назывался класс мелких собственников и городских предпринимателей. Подробнее об этом в [McKitrick, 2016].

утверждая, что насильственное разделение труда и *принцип власти*, уничижающий достоинство рабочих и сводящий на нет все усилия промышленного гения, генеалогически восходит вовсе не к моменту мобилизации труда в фабриках, но является конститутивным для свободных ремесленных мастерских позднего Средневековья, романтизируемых Прудоном, и содействует их возникновению: «Не полюбовные соглашения между равными, как утверждает г-н Прудон, собрали людей в мастерские <...> Почти всюду между мануфактурой и ремеслами велась ожесточенная борьба» [Маркс, 1955, с. 155].

Таким образом, согласно Марксу, не фабрика насильственно насаждала принцип разделения труда, нарушив идиллию ремесленных мастерских, но концентрация различных по своей сути специальных рабочих навыков в одном месте и в одних руках сделала возможным всякое кооперативное цеховое производство. Именно в средневековых ремесленных цехах, замечает Маркс, зарождалась первичная форма капиталистических предприятий, закономерно приведшая к появлению первых промышленных фабрик вследствие критической концентрации орудий производства и человеческих ресурсов. В свою очередь «концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов» [Там же, с. 156].

Маркс вновь оспаривает центральный тезис Прудона. Машины, будучи чрезвычайно эффективным орудием производства, лишь усиливают разделение труда и декомпозицию ремесленных навыков: «Нет ничего нелепее, как видеть в них [*машинах*] антитезис разделения труда, синтез, восстанавливающий единство раздробленного труда». И далее, цитируя Эндрю Юра: «В действительности постоянной целью и тенденцией всякого усовершенствования в области машинной техники является полное устранение человеческого труда или понижение его цены путем замены труда мужчин трудом женским и детским, труда искусных ремесленников — трудом необученных рабочих...» [цит. по: Маркс, 1955, с. 159].

Марксистская теория эволюции форм организации труда в данном аспекте развивалась в согласии с идеями доминирующих экономических учений того времени, тогда как идеи Прудона и его единомышленников оказались вынесены на периферию и приобрели утопический оттенок, хотя изначально, если верить Сэйблу и Цайтлину, были реалистичнее марксистской «футурологии» массового производства. И если в «Нищете философии», лишь вскользь упомянутой авторами теории гибкой специализации, идея Маркса о неизбежном переходе к тому типу производства, который впоследствии назовут «фордистским», артикулирована не так явно, то уже

в «Капитале» мы можем обнаружить ее эксплицитную формулировку. Для Маркса переход к специфически капиталистическому (или *собственно капиталистическому*) способу производства описывается историческим процессом замещения формального подчинения труда капиталу — его реальным подчинением.

Близкие Прудону ремесленные мастерские, следуя мысли Маркса, все еще пребывают в стадии формального подчинения капиталу, определяемого чисто денежным отношением между капиталом и трудом, т.е. эксплуатацией зависимого труда. Подобное отношение между капиталом и источником труда Маркс характеризует как «всеобщую форму всякого капиталистического хозяйства» [Маркс, Энгельс, 1974, с. 74-75], которая включает в себя принуждение вне личного господства или личной зависимости, и вытекает это добровольное принуждение «из различных экономических функций» [Там же, с. 77].

Таким образом, возвращаясь к дебатам Маркса с Прудоном, отметим, что как таковое отношение между мастером и подмастерьем, распространенное в ремесленных мастерских, уже является и функцией от разделения труда, и формой эксплуатации, которая, впрочем, еще не достигла своей закономерной кульминации. Тенденция к постепенному превращению любых (включая традиционные) форм труда и кооперации в функцию капитала, согласно Марксу, достигает своего пика в *крупномасштабном производстве* [Там же, с. 79]. Принцип власти, реализуемый на фабриках, о котором пишет Прудон, — а именно принуждение к труду, его непрерывность, упорядоченность и подотчетность капиталисту — для Маркса еще не «революционизирует способ этого труда», т.к. не затрагивает «реального характера всего процесса труда», и потому пока является атрибутом формального подчинения труда капиталу [Там же].

Маркс идет в своем рассуждении дальше и мыслит модель производства, которая его современникам, вероятно, могла показаться скорее антиутопией, нежели описанием действительного состояния производительных сил. Специфически капиталистический способ производства, которому соответствует процесс *реального подчинения труда капиталу* вместо формального, устанавливает господство и в сфере *общественных производительных сил*: «Кооперация, разделение труда внутри мастерской, применение *машин* и вообще превращение процесса производства в сознательное *применение* естествознания, механики, химии и т.д. для определенных целей, *технологии*, равно как соответствующее всему этому *производство в крупном масштабе* <...> — все это представляется *производительной силой капитала*, а не производительной силой труда, или производительной силой труда лишь постольку, поскольку он тождественен капиталу <...>» [Там же].

Маркс избегает соблазна романтизации кооперативных форм трудовой дисциплины, основанных на таких безусловных человеческих добродетелях, как взаимопомощь и сотрудничество. Коммуникативная функция труда в приведенном фрагменте вовсе не выглядит «первой среди равных» (как полагал Прудон) и не противостоит инструментальному разуму (как настаивал Хабермас), но, напротив, *будучи инкорпорированной в форму производства капитала и в процесс производства самой этой формы становится тождественной «производительной силе капитала».*

Спустя сто с небольшим лет тезис Маркса получает развитие в работах одного из наиболее влиятельных теоретиков постопераизма Паоло Вирно. Применительно к анализу характера труда в эпоху постфордизма Вирно пишет: «“Коммуникативное действие” теряет свое привилегированное или даже исключительное место в сфере этико-культурных отношений и политике, оно больше не находится по ту сторону материального воспроизводства жизни. И наоборот, *диалогическое слово обосновывается в самом сердце капиталистического производства* [курсив мой — Д. Х.]» [Вирно, 2013, с. 138]. Подобное рассуждение вряд ли могло бы претендовать на оригинальность, если бы не предложенная Вирно критика теории пролетаризации Маркса, который, по мнению итальянского философа, слишком поспешно объективировал коммуникацию и познавательную функцию общества в системе машин, упустив саму возможность ее превращения в неотъемлемую характеристику «живого труда» [Там же, с. 137].

Из этого следует, что, будучи интегрированными в процесс капиталистического производства, функции коммуникации и кооперации, тем не менее не стали придатком машин, но вопреки этому сделались *средством производства* сами по себе. В том, что «коммуникативное действие» в постфордизме окончательно утвердилось в качестве необходимых формы и содержания труда, Вирно видит крах традиционной политики и симптом еще большего угнетения рабочих[1], но в то же время и пространство политически возможного, открытого для интервенции. Лишаясь своей локализации, политика принимает характер *атопии* и неуместности (присутствия там, где ее никто не ждет).

Труд, отныне больше самой политики инфицированный политическим содержанием, получает импульс к пересборке: знания, навыки, коммуникация, кооперация, задействованные в трудовом

1 «Нет никого несчастнее, чем тот, кто обнаруживает, что его отношения с другими людьми, иначе говоря, его способность к общению, его владение языком, оказываются сведенными к наемному труду» [Вирно, 2013, с. 72].

процессе, теперь диктуют и форму организации труда, и отношение с машинами, в которых Маркс пытался заточить «коммуникативное действие». И в данном отношении различие между позициями Вирно и Хабермаса [2007] заключается скорее в степени, нежели в качестве.

Социология гибких режимов: от критической теории к теории постиерархических организаций

Положение, к которому сводится вдохновленная Марксом критическая теория, как мы показали выше, как минимум в одном отношении противоречит идеям классика, а именно в том, что касается специфической роли коммуникации и трудовой кооперации в эволюционирующем процессе подчинения труда капиталу.

Тезис Маркса об объективации коммуникации и общественного знания в машинах едва ли оставляет шансы на естественное разрешение кризиса труда средствами самого порабощенного общественного труда; Маркс не разделял восторга, который испытывал Прудон (а в наше время теоретики гибкой специализации) в отношении освободительного потенциала кооперации/коммуникации. Однако именно в этом отношении даже те теории, которые изначально ставили критику общественного устройства своей целью, оказались созвучны наивно оптимистичным взглядам вроде тех, что транслируют автор концепции нового креативного класса Ричард Флорида [Florida, 2002], крупнейший идеолог и исследователь сетевых организаций Уолтер Пауэлл [Powell, 1990] и автор влиятельной теории «постиерархических организаций» Шошана Зубофф [Zuboff, 1988], которую мы рассмотрим ниже.

Теория постиерархических организаций Зубофф относится к достаточно ранним попыткам концептуализировать гибкость в разрезе организационной специфики. Интересна она и тем, что программный текст Зубофф содержит мощный идеологический заряд.

В широко цитируемой в рамках постфордистских дебатов книге «В эпоху умных машин: будущее труда и власти» Зубофф предлагает рассматривать современное состояние производительных сил как результат взаимовлияния двух ключевых измерений труда: a) затраченных усилий и b) навыков/знаний. История трудовых отношений и способов организации труда, согласно Зубофф, — это история минимизации физического истощения рабочих и рисков для их жизни. В этой связи социолог констатирует, что до первого индустриального перехода (и тейлоровской революции принципов организации труда) условия труда квалифицированного ремесленного рабочего были куда хуже, чем впоследствии на заводах Генри Форда. Вопреки остававшейся долгое время популярной в академи-

ческих кругах марксистской критике деградации рабочих на «безжизненных» конвейерах [Braverman, 1974], Зубофф отстаивает альтернативную точку зрения — конвейер в сущности гораздо более гуманный механизм, чем принято считать.

Прежде чем приступать к безжалостной критике тейлоризма, Зубофф предлагает рассмотреть, как в действительности обстояли дела в предшествовавшей появлению конвейеров эпохе. Драма всей трудовой жизни свободного ремесленника, пишет Зубофф, состоит в том, что такой режим производства требует от него максимума затраченных усилий при высоком уровне компетенций («ловушка ноу-хау»). Настоящая же проблема в том, что высокий уровень персонификации навыков и производимых товаров сдерживает автоматизацию[1] и, следовательно, умножает физическое истощение рабочего. Зубофф заключает: «Прогресс автоматизации приводит к общему снижению уровня владения специальными производственными навыками (ноу-хау) и минимизации физического насилия в отношении рабочего» [Zuboff, 1988, p. 23].

Механизация труда посредством конвейера привела к деградации специальных навыков, но в то же время позволила значительно снизить физические издержки производства, чего было невозможно добиться, сохранив квалифицированный ремесленный труд. Внедрение принципов научного менеджмента — замеры времени, затраченного рабочим на выполнение элементарных операций, высокая дифференциация функций, план выработки и, наконец, механический конвейер как средоточие этих принципов — лишь одна из стадий процесса растущей автоматизации труда, которая в будущем освободит труд от его изнурительного и насильственного содержания.

Стремительно наступившая эра постфордизма, с точки зрения Зубофф, превращает работу в «манипуляцию символами» и переопределяет значение навыка как такового[2]. Современная модель абстрактного автоматизированного труда, пришедшая на смену механизированному конвейерному производству, снимает противоречие между физическим усилием и навыком (знанием). Трансформация роли тела и навыков рабочего в абстрактном труде дра-

1 Знание ремесленника индивидуально, а порой и уникально; это препятствует развитию «обобществленного знания» (*General intellect* у Маркса), объективированного в технологиях. Такая ситуация приводит к консервации данного типа производства в строго очерченных границах применения техники и навыков до тех пор, пока предельная концентрация капитала в руках капиталиста не запустит процесс укрупнения производства и деквалификации/деперсонификации навыков.

2 Тезис, схожий с тем, что выдвигают Паоло Вирно и другие постопераисты.

матически изменяет конфигурацию трудовых отношений и саму *структуру* организаций. Зубофф утверждает, что менеджмент первым испытал на себе негативные последствия автоматизации, так как утратил свои привилегии в части трудового контроля. Теперь рабочий способен сам контролировать процесс производства посредством автоматизированного мониторинга, а встроенные датчики и модули управления упрощают измерение ключевых параметров производительности. Поэтому возрастающая автоматизация и информатизация (*textualization*) процесса труда и собственно необходимых трудовых навыков приводит к перестройке привычной вертикальной структуры организаций.

Согласно исследованию Зубофф, топ-менеджмент компаний, где конвейер заменялся автоматическим оборудованием, оказался «на перепутье». Вопрос, который перед ним стоял, по существу можно сформулировать следующим образом: люди должны обслуживать умные машины, или машины должны обслуживать умных людей? Выбор в пользу одного из сценариев предполагал различные траектории развития организации: в первом случае менеджмент лишался многих привилегий, во втором — адаптировался к изменениям за счет бóльших инвестиций в «когнитивные навыки» (*intellective skills*). Зубофф, однако, утверждает, что *оба сценария* угрожают существованию «осевого принципа менеджериального контроля, основанного на подчинении и исполнении поставленной задачи» [Ibid., p. 291]. Традиционные методы управления, примененные к абстрактному труду, оказываются неэффективными, так как «препятствуют работе с информацией» [Ibid.].

Дерегуляция организаций становится необходимой структурной предпосылкой развития инноваций в мире абстрактного труда, и на первый план выходят личная мотивация рабочего и персональная ответственность, граничащая с долгом: «Новые технологии требовательны к организационным изменениям, культурным и ценностным установкам, к креативному потенциалу менеджмента, кооперации, интеграции, вовлеченности, менее иерархичным организационным структурам и повышению уровня компетенций рабочих» [Ibid., p. 308].

Иными словами, перераспределение власти на уровне организаций и высокая степень гибкости в освоении рабочих навыков и современных «установок» (*attitudes*) позволяют технологическим компаниям эффективно делать свою работу. Традиционные структуры контроля, призванные максимизировать эффекты подчинения, оказываются неэффективными в новых условиях вследствие перераспределенного доступа к информации в пользу исполнителей (*shop-floor level*). В отличие от отупляющих конвейеров современные информатизированные организациибез исключений стано-

вятся в рамках теории Зубофф «познающим сообществом» (*learning community*).

Разумеется, гибкость навыков, «информатизация» (*textualization*) труда могут обернуться для рабочего утратой контроля над своим временем и обязанностями; мрачные спекуляции на тему организаций будущего, словно воплощающие паноптический проект Бентама, черпают вдохновение именно в цифровых системах мониторинга производства [Ibid., p. 404-406]. Но при таком сценарии на первый план выходит политика производства — необходимая коллективная договоренность между рабочими и менеджментом предприятия. Ведь не только рабочие, но и менеджмент оказывается в щекотливой ситуации: технически система тотальной слежки способна охватить все звенья производственной цепи (включая управленцев), но, что еще более важно, — машины конкурируют с менеджерами за монополию в области управления и контроля качества.

Это означает, что угроза паноптикума скорее должна провоцировать политический консенсус между управленческим звеном и рабочими, нежели с необходимостью порождать негативные эффекты вроде переизбытка контроля. Реификация прежних инструментов контроля производства в автоматизированных системах существенно ослабляет позиции менеджмента, но рабочие оказываются в парадоксальной ситуации — получая автономию, они в то же время рискуют стать объектом тотального автоматизированного контроля. Примерно в таких терминах формулируется современный «парадокс автономии», разрешение которого требует новых форм коллективной договоренности между группами, участвующими в трудовом процессе. В теории постиерархических организаций данное противоречие снимается средствами самого труда вне механизмов институционального принуждения.

Зубофф убеждена, что гибкая трудовая парадигма, ставшая нормой в современных технологических предприятиях, «не станет легко терпеть однонаправленную власть»: «В моем видении организации нет места априорному разделению на управляющих и управляемых. Напротив, в ней произошел переход от парадигмы труда как исполнения (*operating core*)[1] к увеличению ответственности и возможности оказывать влияние на ситуацию в той степени,

1 Вероятно, здесь имеется в виду тейлористская концепция труда, выстроенная вокруг строгого разделения между conception и execution, и ее продолжение в работах американского теоретика менеджмента Генри Минцберга, который вводит пятичленную модель организационной структуры, где operating core (звено исполнения) располагается на нижней ступени производственной цепи.

в которой это допускают навыки и задачи, востребованные информационной средой» [Zuboff, 1988, p. 406].

Спустя два десятилетия Зубофф продолжает оптимистическую линию анализа в небольшом тексте для журнала RSA, напоминающем манифест или свободные размышления о будущем капитализма. Широкими мазками автор фиксирует ключевое напряжение эпохи — приоритет индивидуального над массовым; уникальный потребитель со своими особенными потребностями пришел на смену потребителю стандартизованных массовых товаров, атомизированный и независимый индивид перехватил эстафету у главного действующего лица политики XX века — обывателя, чьи взгляды и предпочтения формируют политика, ориентированная на массовый электорат. «В новой экономике люди не хотят быть объектом коммерции, как это бывало в прошлом, не хотят быть безликими массами или “сегментом”, на который направлена реклама. Напротив, они хотят быть субъектом, за которым признается индивидуальность» [Zuboff et al., 2004, p. 34-37].

Трудно отрицать, пишет Зубофф, что подобная трансформация экономического и политического субъекта стала возможной благодаря достижениям фордизма и «менеджериального капитализма», который вывел производительность труда и темпы потребления на невиданный ранее уровень. Теперь же старая парадигма трудовых отношений уходит со сцены вместе с порожденной ей политическим субъектом. Зубофф и соавторы не дают однозначного ответа на вопрос о том, каким именно будет новый субъект, сформированный рынком фрагментированного спроса и постиерархической организационной политикой, но предчувствуют скорый переход от устаревшей модели агента истории «гражданин — наемный работник — потребитель» к индивидуальной модели, которая «должна участвовать в реализации своей экономической и общественной ценности» [Ibid.].

На первый взгляд, политическая перспектива теории специализации Пиоре и Сэйбла базируется на схожем основании. Но если в книге Зубофф «В эпоху умных машин» (и в поздней работе «Экономика поддержки») позитивным политическим содержанием наделяется труд на современных автоматизированных предприятиях, то политику, порожденную вторым индустриальным переходом, Пиоре и Сейбл характеризуют как демократию йоменов (*yeoman democracy*). На карте фрагментированного спроса и предложения, в мире гибких форм труда и интеллектуальной вовлеченности рабочих в организационный процесс *«производство зависит от солидарности и коммунитаризма»* [Piore, Sabel, 1984]. Иными словами, рассредоточенность и гибкость элементов производственной цепи создает необходимые условия для проявления коллективных устремлений.

Посткапиталистическая политика, или Как вернуть содержательное значение экономического

В рамках теорий гибкой специализации и постиерархических организаций процессы фрагментации производительных сил, «индивидуации» потребителей и рынков создают неоднородный экономический ландшафт, в котором на первый план выходит задача горизонтальной координации рассредоточенных элементов сети. Вера в то, что постфордистская парадигма гибкого труда вне инертных рынков и жесткой корпоративной иерархии в итоге станут доминирующей системой трудовых отношений, объединяла исследователей гибкой специализации вплоть до начала 2000-х годов. Примерно тогда выяснилось, что гибкие формы производства, маргинальные рынки труда и уникальных товаров успешно сосуществуют в одном и том же мире с ригидными корпорациями, продуктами массового спроса и конвейерным производством.

«Гетерогенный», «разрегулированный» или «неорганизованный» [Lash, Urry, 1987] капитализм стал синонимом постфордистского экономического порядка — а точнее, отсутствия какой-либо упорядоченности. Оставаясь в границах дискуссии о постфордизме, которая, на наш взгляд, имеет определяющее значение для предмета настоящего исследования, мы должны согласиться с положением, высказанным в одной из статей Мэтта Видала, а именно: постфордистский сценарий принимается в качестве действительного, но в отличие от фордизма является *дисфункциональным режимом накопления*. Способность фордистской модели успешно воспроизводить себя на протяжении нескольких десятков лет обеспечивалась во многом благодаря жизнеспособному паттерну взаимоотношений между «трудовым процессом, работодателем и наемным персоналом, формой корпоративной организации, классами и динамикой накопления» [Vidal, 2013, p. 452].

Рыночные силы в фордистской экономике сдерживались регулятивными мерами профсоюзов и кейнсианского государства с его мощным институциональным аппаратом. Современный же постфордистский режим накопления и организации труда создан кризисом перепроизводства и драматическим падением нормы прибыли капитала в передовых капиталистических странах в конце 1970-х годов [Ibid., p. 459-462]. Впоследствии ему так и не удалось преодолеть собственный порождающий принцип — механизм дерегуляции. Именно политика дерегуляции и диверсификация капитала предопределили характер трансформации принципов производства и рынка труда в три следующих десятилетия. Ровно эту проблему — проблему описания декомпозированной или дерегулированной экономики — пытаются решить современные теоретики и исследователи гибких режимов.

Несложно заметить, что неоднократные попытки помыслить поздний капитализм неизбежно приводили исследователей различных теоретико-методологических и политических воззрений к схожему выводу: капитализм стал множественным, фрагментированным, дискретным, сетевым, текучим, гибким, неоднородным — ряд синонимов можно продолжать.

Сходный пункт формулируется и в «шестом тезисе» о постфордистском множестве из лекций Паоло Вирно: «В отличие от фордистской организации труда, сегодняшняя его организация неизбежно неоднородна. Технологическая инновация не является универсальной, она не создает единой ведущей производственной модели, а, скорее, поддерживает жизнь огромной массы различных моделей, воскрешая также те из них, которые сделались устаревшими и анахроническими <...> Фон и предпосылки этого разрастания различий, этого дробления организационных форм связаны с General Intellect, с информационно-компьютерной технологией, производственной кооперацией, включающей в себя внетрудовое время» [Вирно, 2013, с. 135-136]. На наш взгляд, в приведенной цитате из текста Вирно содержится сжатый пересказ поздних версий теории гибкой специализации и близких ей концепций.

Чем сильнее внутренне дифференцирована капиталистическая экономика, тем более разнообразные теоретические ресурсы привлекаются для ее анализа. В ситуации теоретического и политического диссонанса, в котором пребывают современные теории флексибилизации, сложно разглядеть четкую линию преемственности от одного рассуждения к другому, от автора к автору. Теоретический проект самого Вирно представляет собой нетривиальный синтез идей, относящихся к полю сразу нескольких дисциплин, — политической экономии, политической философии и философии языка. Важный тезис из лекции Вирно о том, что постфордизм характеризуется «сосуществованием различных моделей производства», в полной мере отражает эволюцию теории гибких экономических режимов.

Однако достаточно посмотреть, как развивалась теория гибкой специализации в последние 10–15 лет, чтобы убедиться в том, что тезис о гетерогенности, присущей современному капитализму, не подвергался сомнению и рефлексивному историческому анализу. Переход от теорий гибких форм производства и гибкого абстрактного труда, словно навсегда избавившего рабочих от докучающих принципов старой организационной политики, к парадигме гетерогенного капитализма произошел довольно гладко и не потребовал больших аналитических усилий [Gall, 2009]. Однако он так и не был должным образом проблематизирован — ни в форме историко-теоретического, ни политэкономического анализа. В современных исследованиях на эту тему достаточно заявить в самом

начале работы, что капитализм изменился бесповоротно — раздробился на автономные фрагменты и больше не может описываться в терминах «тотальности», режима накопления или единого производственного цикла.

Большой шаг в осмыслении современных гетерогенных экономик был сделан в экстравагантной работе Джули Грэм и Кэтрин Гибсон, публиковавшихся под псевдонимом Гибсон-Грэм [Gibson-Graham, 2006]. На базе их совместного труда в конце нулевых годов была сформирована междисциплинарная методологическая программа исследований региональных экономик и «альтернативных рынков».

Книга Гибсон-Грэм «Посткапиталистическая политика» — это прежде всего политический манифест. Его главная цель — разотождествление экономики и капитализма, возвращение в научный дискурс содержательного значения экономического, которое предложил Карл Поланьи еще в середине XX века [Поланьи, 2002]. Автор задается вопросом: «Как получилось, что наемный труд, товарный рынок и форма капиталистического предприятия стали рассматриваться в качестве единственно нормальных форм труда, обмена и деловых организаций?» [Gibson-Graham, 2006, p. 53]. Ответ предсказуемо следует искать в современном доминирующем дискурсе об экономике, где общим местом стали растущая тревога в отношении перспектив автономии национальных экономик и вера в безальтернативность капитализма.

Но сложившаяся ситуация — лишь опасная иллюзия, вызванная отсутствием языка, который позволил бы подорвать монополию капиталистического дискурса об экономике. Такой язык еще предстоит создать; его границы нельзя строго очертить, потому что это «язык *гетерогенной экономики*, экономический ландшафт которой населен множеством контингентных форм и взаимодействий» [Ibid., p. 54]. Множество реально существующих в капиталистической действительности альтернативных и не-капиталистических форм экономического взаимодействия (например, локальные фермерские и нишевые рынки, кооперативы) сведены к единому «капиталоцентричному ландшафту». Многообразие форм экономического поведения — например, солидарность, благотворительность, опека, обязательство оказываются неразличимыми в оптике индивидуальной калькирующей рациональности, хотя не-капиталистические, неоплачиваемые формы трудовой деятельности (неоплачиваемый домашний труд, труд волонтеров и другие формы социального взаимодействия, поддерживающие экономику домохозяйств и сообществ), по данным исследований, составляют от 30 до 50% всей современной экономической активности [Ironmonger 1996; Luxton 1997]. Таким образом, сегодняшняя экономика гетерогенна и гетерономна. В ней сосуществуют принципиально отличные друг

от друга формы сделок (*transactions*) и способов координации/согласования, формы труда и видов его компенсации, формы предприятий, а также режимы производства, присвоения и распределения излишка [Gibson-Graham, 2006, p. 60-71].

Множественная экономическая реальность, населенная бесчисленными анклавами нетрадиционных, независимых способов занятости и поиска средств к выживанию, способна пошатнуть капиталоцентричные основания дискурса об экономике, тогда как цель современного политического проекта заключается в организации коллективных или коммунитарных форм экономики (*community economy*). Теоретическая и эмпирическая модель коммунитарных экономик, предложенная Гибсон-Грэм, в точности повторяет модель, сложившуюся в Третьей Италии в 1980-е годы, но только на этот раз источником вдохновения служит организация Мондрагонского кооператива в Стране Басков.

«Католический священник Аризмендиарриета построил, пожалуй, самый успешный и признанный кластер принадлежащих рабочим кооперативов в области промышленности, торговли и услуг. Сегодня Мондрагонская корпорация кооперативов (МСС) известна благодаря более чем 30 тысячам рабочих-собственников, а также благодаря своей гибкости и надежности, передовым технологиям и инновациям в сфере участия рабочих в процессе производства» [Ibid., p. 102]. Утопические проекты вроде Мондрагонской корпорации контингентны, а не закономерны, признает автор книги, но их опыт служит основанием для новой экономической политики. Значимое обстоятельство, которое по ряду причин отказывались принимать во внимание Чарльз Сэйбл и его коллеги, в новейших версиях теории гибкой специализации занимает центральное место: модели организации кооперативной экономики Мондрагона и кластеров Эмилии-Романьи уникальны и не реплицируются, их возникновение и последующее развитие детерминированы конкретными историческими условиями. Так, ответом на политическую изоляцию басков в первые годы правления режима Франко стала высокая сплоченность баскского сообщества, основанная прежде всего на общегражданских принципах, а не чувствах национальной или культурной исключительности. Послевоенный период роста испанской экономики в сочетании с государственным протекционизмом создали благоприятный контекст для довольно комфортного развития Мондрагонской корпорации, ориентированной изначально на низкоконкурентный внутренний рынок. «Опыт МСС уникален — для региона, его жителей и того исторического периода — и по этой причине не реплицируем» — пишет Гибсон-Грэм [Ibid.]. Если для Пиоре и Сэйбла исключительность гибких экономических режимов представляла существенную эмпирическую проблему, так как теория

второго индустриального перехода мыслилась как общая политэкономическая теория смены производственной парадигмы, то для развития концепции гетерогенного капитализма признание этой исключительности необходимо. По этой причине, согласно теории гетерогенной экономики, случай МСС следует рассматривать вне естественной динамики индустриальных переходов, но как руководство к политическому действию — «практическое знание для построения коммунитарной экономики».

Основываясь на этом базовом для новой концепции гибких режимов положении, Гибсон-Грэм строит нормативную политическую теорию, настаивая на осмыслении процессов современного капитализма как в корне незавершенных, непоследовательных, и поэтому оставляющих пространство для политического («экономика возможного»). Поворот к теоретизированию возможного в экономике еще в 1980-е годы был легитимирован теоретиками гибкой специализации, поскольку и сам фордизм, как мы пытались показать ранее, для Пиоре, Сэйбла и их последователей являлся скорее возможным, нежели закономерным. Правда, пределом экономического и политического воображения теории гибкой специализации оказались беспочвенные надежды, связанные с перспективой полного замещения фордистской парадигмы гибкими и эффективными формами организации производства. Для Гибсон-Грэм подобные теории естественного перехода, подчиненные общей логике развития капитализма, в сущности остаются замкнутыми в дискурсивной петле «капиталоцентричного» языка современной политической экономии. Пути выхода из гегемонии «капиталоцентризма» автор видит в «дислокации», исходе к практикам субстантивной экономики, которые основываются на этике солидарности, кооперации, совместного контроля и своевременного диагностирования патологий капитализма.

Эмпирические исследования последних десяти лет ставят под сомнение состоятельность политических суждений, которые выдвигались исследователями гибких режимов с тех пор, как была разработана теория гибкой специализации. Шансы на выход — или исход — из «капиталоцентризма» угасают по мере того, как трансформируются система организации труда и способы распределения собственности в Мондрагонских кооперативах и индустриальных кластерах Эмилии-Романьи. Fagor до недавнего времени был одним из крупнейших и старейшим кооперативом Мондрагона, однако в 2013 году он обанкротился.

Банкротство стало следствием негативной экономической конъюнктуры, затронувшей множество компаний, но, пожалуй, вовсе не этот факт внес смятение в ряды выводов теоретиков гибкой специализации. Важнее зафиксировать, что уже в начале 1990-х Fagor приобрел несколько местных и зарубежных предприятий, превратив-

шись в экономически успешную мультинациональную корпорацию, а к 2007 г. численность наемного персонала на 18 предприятиях компании составляла порядка 11 тыс. человек [Errasti, Bretos, Nunez, 2017].

Мондрагонская корпорация вступила в XXI век, располагая 25 кооперативами в Стране Басков и почти сотней дочерних капиталистических предприятий по всему миру. Гибридная форма организации производства в местном кластере вскоре была названа «coopitalist multinationals»: ядром производственной модели Мондрагона оставались кооперативы, но продолжала расти доля внешних (преимущественно китайских) дочерних компаний (т.н. «капиталистическая периферия»), в то время как соотношение долей собственников и наемного персонала на местных предприятиях стабильно менялось в пользу последнего [Errasti, 2015]. Как мы показали ранее, с некоторыми оговорками аналогичные процессы протекали и в кластерах Эмилии-Романьи, где кооперативный характер организации труда и горизонтально выстроенная сетевая структура предприятий постепенно деградировали.

Менее изученным, но от этого не менее актуальным остается вопрос изменений, затронувших, как сказал бы Майкл Буравой, сферу «политики производства» на гибких предприятиях. Доступ к данным, которые позволили бы изучить в деталях и исторической динамике характер менеджериальных установок в вопросах организации труда в таких кластерах, затруднен, хотя уже в конце 1980-х годов делались обоснованные попытки говорить об этих изменениях в терминах «неофордизма», или «гибкой клетки» (*flexible cage*) [Dawson, Webb, 1989]. От эмпирических исследований средств контроля труда на гибких и высокоавтоматизированных предприятиях в конечном счете зависит состоятельность постфордистских теорий труда.

Другой сомнительной предпосылкой, на которой долгие годы основывались выводы теоретиков гибких режимов, был «методологический пуризм» — легенда об экономической целесообразности подобных способов организации труда и производства вне контекста вполне внятных институциональных механизмов их поддержания. В этой статье предпринята попытка критического анализа исторических предпосылок возникновения гибких экономических режимов. Ряд рассмотренных примеров позволяет говорить о том, что для гибких режимов оказался конституирующим момент политического вмешательства. В частности, об этом в одной из своих статей пишет французский экономист и противник теории гибкой специализации Ален Липиц. Он призывает обратить пристальное внимание на исторически специфический генезис гибких организационных форм прежде, чем говорить об их преимуществах: «*"Accumulate! Innovate! And look at Silicon Valley!"* Люди смотрят, но не видят всего. Они часто игнорируют тот факт, что Кремниевая доли-

на едва ли была “спонтанным” результатом частной инициативы, но была создана сорок лет назад Университетом Стэнфорда для своих выпускников и по существу всегда жила за счет государственных оборонных заказов» [Lipietz, 1994, p. 344].

В заключение необходимо лаконично указать на наличие дискурсивной путаницы — паутины политически и идеологически нагруженных понятий, вокруг которых на протяжении нескольких десятилетий крайне неравномерным образом выстраивалось поле научных дебатов на тему флексибилизации производственных режимов. Теории, возникшие в середине 1980-х годов в качестве моделей описания и апологетики новой экономической реальности, вызванной к жизни политикой дерегуляции в Британии и США, спустя непродолжительное время стали ядром новой критической теории.

Вероятно, и в поле социальной критики нас ждет увлекательная дискуссия между марксистской ортодоксией и ее альтернативами, между историческим оптимизмом и пессимизмом, между радикальной политической экономией и критической теорией, возможно, уже утратившей внутренний ресурс утопического воображения.

Библиография

Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011) *Новый дух капитализма,* М.: Новое литературное обозрение.

Вирно П. (2013) *Грамматика множества: к анализу форм современной*, М.: Ад Маргинем.

Кальк А. (2017) Безвыходный труд в работах Негри, Хардта и Горца. *Журнал исследований социальной политики,* 15 (2): 323-332.

Маркс К. (1955) Нищета философии. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* В 55 т. Т. 4, М.: Политиздат: 65-185.

Маркс К., Энгельс Ф. (1974) *Сочинения*. Т. 49, М.: Политиздат.

Пензин А. (2013) M. for Multitude (послесл.). П. Вирно *Грамматика множества,* М.: Ад Маргинем.

Поланьи К. (2002) Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*, 3(2): 62-73.

Хабермас Ю. (2007) *Труд и интеракция. Заметки к гегелевской «философии духа» йенского периода. Техника и наука как «идеология»,* М.: Праксис: 8-50.

Хардт М., Негри А. (2004) *Империя*, М.: Праксис.

Шевчук А. В. (2002) Постфордистские концепции как исследовательская программа. *Экономическая социология*, 3 (2): 46-61.

Aglietta M. (1979) *A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience,* London: New Left Books.

Amin A. (1994) *Post-Fordism: A Reader*, Oxford: Blackwell.

Appelbaum E., Albin P. (1989) Computer Rationalization and the Transformation of Work: Lessons from the Insurance Industry. *The Transformation of Work? Skill, Flexibility and the Labour Process*, London: Unwin Hyman: 246-265.

Atkinson J. (1985) The changing corporation. *New Patterns of Work Ed. D Clutterbuck*. Gower: 13-34.

Atkinson, J., & Meager, N. (1986). Changing Working Patterns: how companies achieve flexibility to meet new needs. London: Institute of Manpower Studies.

Atkinson J., Meager N. (1986) *Changing Working Patterns: how companies achieve flexibility to meet new needs*. London: Institute of Manpower Studies.

Becattini G. (2004) *Industrial Districts. A new Approach to Industrial Change*. Cheltenham, UK and Northhampton, MA, USA: Edward Elgar.

Berggren C. (1989) New Production Concepts in Final Assembly — The Swedish Experience. *The Transformation of Work? Skill, Flexibility and the Labour Process*, London: Unwin Hyman: 171-203.

Braverman H. (1974) *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*, New York: Monthly Review Press.

Bretos I., Errasti, A. (2017) Challenges and opportunities for the regeneration of multinational worker cooperatives: Lessons from the Mondragon Corporation, a case study of the Fagor Ederlan Group. *Organization*, 24 (2): 154–173.

Brusco S. (1982) The Emilian model: productive decentralization and social integration. *Cambridge Journal of Economics*, 6 (2): 235– 261.

Capecchi V. (1990) A History of Flexible Specialization and Industrial Districts in Emilia -Romagna. F. Pyke, G. Becattini, W. Sengenberger (eds). *Industrial Districts and Inter-Firm Cooperation in Italy*. Geneva. ILO: 20-35.

Dohse K., Jürgens U., Malsch T. (1985) From "Fordism" to "Toyotism"? The Social Organization of the Labor Process in the Japanese Automobile Industry. *Politics and Society*, 14 (2): 115– 46.

Dawson P., Webb J. (1989) New Production Arrangements: The Totally Flexible Cage? *Work, Employment & Society*, 3 (2): 221-238.

Errasti A. (2015) Mondragon's Chinese subsidiaries: Coopitalist multinationals in practice. *Economic and Industrial Democracy*, 36: 479-99.

Florida R. (2002) The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York: Basic Books.

Gall S. (2009) Grassroots "flexible specialisation" in Brisbane's West End: Towards a politics of economic possibility. *GeoJournal*, 74 (6): 525-540.

Gibson-Graham J.K. (2006) *A postcapitalist politics.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity*, London: Blackwell.

Ironmonger D. (1996) Counting Outputs, Capital Inputs, and Caring Labor: Estimating Gross Household Output. *Feminist Economics*, 2 (3): 37-64.

Jameson F. (1991) *Postmodernism: The cultural logic of late capitalism*, Durham: Duke University Press.

Kern H., Schumann M. (1984) *Das Ende der Arbeitsteilung? Rationalisierung in der industriellen Produktion,* Munich: Verlag C.H. Beck.

Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organized Capitalism,* Madison: University of Wisconsin Press.

Lazzarato M. (1996) *Immaterial labour. Radical Thought in Italy: A Potential Politics*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 133-147.

Lipietz A. (1994) Post-Fordism and Democracy. A. Amin (ed.) *Post-Fordism: a Reader*, Basil Blackwell: 338-357.

Luxton M. (1997) The UN, Women, and Household Labour: Measuring and Valuing Unpaid Work. *Women's Studies International Forum,* 20 (3): 431-439.

Mason P. (2015) *PostCapitalism: A Guide to Our Future*. London: Penguin Books.

McKitrick F.L. (2016) From Craftsmen to Capitalists: German Artisans from the Third Reich to the Federal Republic, 1939–1953. *Monographs in German History,* vol. 37, New York: Berghahn Books.

Piore M.J., Sabel C.F. (1984) *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity,* New York: Basic Books.

Pollert A. (1988a) The "flexible firm": Fixation or fact? Work. *Employment & Society,* 2 (3): 281-316.

Pollert A. (1988b) Dismantling Flexibility. *Capital and Class,* (34).

Pollert A. (1991) *The Orthodoxy of Flexibility. Farewell to Flexibility?* Oxford: Blackwell: 3-31.

Powell W. (1990) Neither market nor hierarchy: network forms of organization. *Research in Organizational Behavior,* (12): 295-336.

Rinaldi A. (2005) The Emilian Model Revisited: Twenty Years After. *Business History,* 47 (2): 244-266.

Sabel C. (1982) *Work and Politics: The Division of Labor in Industry,* New York: Cambridge University Press.

Sabel C., Zeitlin J. (1985) Historical Alternatives to Mass Production: Politics, Markets and Technology in Nineteenth-Century Industrialization. *Past and Present,* (108): 133–176.

Saxenian A. (1994) *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*, Cambridge MA: Harvard University Press.

Scott R.W. (2004) Competing logics in Health Care: Professional, State, and Managerial. *The Sociology of the Economy,* N.Y.: Russel Safe Foundation: 267-287.

Smith C. (1989) Flexible specialization, automation and mass production. *Work, Employment and Society,* 3 (2): 203-220.

Storper M. (1994) The Transition to Flexible Specialization in the US Film Industry: External Economies, the Division of Labour and the Crossing of Industrial Divides. *Post-Fordism: A Reader,* Oxford: Blackwell: 195-226.

Storper M., Christopherson S. (1985) The Changing Location and Organization of the Motion Picture Industry, Los Angeles, UCLA Graduate School of Architecture and Urban Planning. *Research Monograph*, (127).

Vallas S. (1999). Re-thinking post-Fordism: The meaning of workplace flexibility. *Sociological Theory*17 (1), 68–101.

Vidal M. (2013) Postfordism as a Dysfunctional Accumulation Regime: A Comparative Analysis of the US, UK and Germany. *Work, Employment and Society,* 27 (3): 451-471.

Zuboff S. (1988) *In the Age of the Smart Machine*, New York: Basic.

Zuboff S. et al. (2004) The Support Economy: Why Corporations Are Failing Individuals and the next Episode of Capitalism. RSA Journal, 151 (5513): 34–37.

References

Aglietta M. (1979) *A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience,* London: New Left Books.

Amin A. (1994) *Post-Fordism: A Reader*, Oxford: Blackwell.

Appelbaum E., Albin P. (1989) Computer Rationalization and the Transformation of Work: Lessons from the Insurance Industry. *The Transformation of Work? Skill, Flexibility and the Labour Process*, London: Unwin Hyman: 246-265.

Atkinson J. (1985) The changing corporation*. New Patterns of Work Ed. D Clutterbuck*. Gower: 13-34.

Atkinson J., Meager N. (1986) *Changing Working Patterns: how companies achieve flexibility to meet new needs*. London: Institute of Manpower Studies.

Atkinson, J., & Meager, N. (1986). Changing Working Patterns: how companies

Becattini G. (2004) *Industrial Districts. A new Approach to Industrial Change*. Cheltenham, UK and Northhampton, MA, USA: Edward Elgar.

Berggren C. (1989) New Production Concepts in Final Assembly — The Swedish Experience. *The Transformation of Work? Skill, Flexibility and the Labour Process,* London: Unwin Hyman: 171-203.

Boltanski L., Chiapello E. (2011) Novyiy duh kapitalizma [The new spirit of capitalism], M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Braverman H. (1974) *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century,* New York: Monthly Review Press.

Bretos I., Errasti, A. (2017) Challenges and opportunities for the regeneration of multinational worker cooperatives: Lessons from the Mondragon Corporation, a case study of the Fagor Ederlan Group. *Organization,* 24 (2): 154–173.

Brusco S. (1982) The Emilian model: productive decentralization and social integration. *Cambridge Journal of Economics*, 6 (2): 235– 261.

Capecchi V. (1990) A History of Flexible Specialization and Industrial Districts in Emilia -Romagna. F. Pyke, G. Becattini, W. Sengenberger (eds). *Industrial Districts and Inter-Firm Cooperation in Italy*. Geneva. ILO: 20-35.

Dawson P., Webb J. (1989) New Production Arrangements: The Totally Flexible Cage? *Work, Employment & Society,* 3 (2): 221-238.

Dohse K., Jürgens U., Malsch T. (1985) From "Fordism" to "Toyotism"? The Social Organization of the Labor Process in the Japanese Automobile Industry. *Politics and Society,* 14 (2): 115– 46.

Errasti A. (2015) Mondragon's Chinese subsidiaries: Coopitalist multinationals in practice. *Economic and Industrial Democracy,* 36: 479-99.

Florida R. (2002) The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York: Basic Books.

Gall S. (2009) Grassroots "flexible specialisation" in Brisbane's West End: Towards a politics of economic possibility. *GeoJournal,* 74 (6): 525-540.

Gibson-Graham J.K. (2006) *A postcapitalist politics.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Habermas U. (2007) Trud i interaktsiya. Zametki k gegelevskoy "filosofii duha" yenskogo perioda [Labor and Interaction. Notes to the Hegelian "philosophy of spirit" of the Jena period]. Tehnika i nauka kak "ideologiya" [Technique and science as an ideology], M.: Praksis: 8-50.

Hardt M., Negri A. (2004) *Imperiya [Empire],* M.: Praksis.

Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity,* London: Blackwell.

Ironmonger D. (1996) Counting Outputs, Capital Inputs, and Caring Labor: Estimating Gross Household Output. *Feminist Economics,* 2 (3): 37-64.

Jameson F. (1991) *Postmodernism: The cultural logic of late capitalism*, Durham: Duke University Press.

Kalk A. (2017) Bezvyihodnyiy trud v rabotah Negri, Hardta i Gortsa [Infinite Labor in the Works of Negri, Hardt and Gortz]. *The Journal of Social Policy Studies,* 15 (2): 323-332.

Kern H., Schumann M. (1984) *Das Ende der Arbeitsteilung? Rationalisierung in der industriellen Produktion,* Munich: Verlag C.H. Beck.

Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organized Capitalism,* Madison: University of Wisconsin Press.

Lazzarato M. (1996) *Immaterial labour. Radical Thought in Italy: A Potential Politics*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 133-147.

Lipietz A. (1994) Post-Fordism and Democracy. A. Amin (ed.) *Post-Fordism: a Reader*, Basil Blackwell: 338-357.

Luxton M. (1997) The UN, Women, and Household Labour: Measuring and Valuing Unpaid Work. *Women's Studies International Forum,* 20 (3): 431-439.

Marx K. (1955) Nischeta filosofii [Poverty of Philosophy]. Marks K., Engels F. *Sobr. soch.* V 55 t. T. 4, M.: Politizdat: 65-185.

Marx K., Engels F. (1974) *Sochineniya [Works]*. T. 49, M.: Politizdat.

Mason P. (2015) *PostCapitalism: A Guide to Our Future*. London: Penguin Books.

McKitrick F.L. (2016) From Craftsmen to Capitalists: German Artisans from the Third Reich to the Federal Republic, 1939–1953. *Monographs in German History,* vol. 37, New York: Berghahn Books.

Penzin A. (2013) M. for Multitude (poslesl.). *Grammatika mnozhestva [*Grammar of the set*],* M.: Ad Marginem.

Piore M.J., Sabel C.F. (1984) *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity,* New York: Basic Books.

Pollert A. (1988a) The "flexible firm": Fixation or fact? Work. *Employment & Society,* 2 (3): 281-316.

Pollert A. (1988b) Dismantling Flexibility. *Capital and Class,* (34).

Pollert A. (1991) *The Orthodoxy of Flexibility. Farewell to Flexibility?* Oxford: Blackwell: 3-31.

Powell W. (1990) Neither market nor hierarchy: network forms of organization. *Research in Organizational Behavior,* (12): 295-336.

Rinaldi A. (2005) The Emilian Model Revisited: Twenty Years After. *Business History,* 47 (2): 244-266.

Sabel C., Zeitlin J. (1985) Historical Alternatives to Mass Production: Politics, Markets and Technology in Nineteenth-Century Industrialization. *Past and Present,* (108): 133–176.

Sabel C. (1982) *Work and Politics: The Division of Labor in Industry,* New York: Cambridge University Press.

Saxenian A. (1994) *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*, Cambridge MA: Harvard University Press.

Scott R.W. (2004) Competing logics in Health Care: Professional, State, and Managerial. *The Sociology of the Economy,* N.Y.: Russel Safe Foundation: 267-287.

Shevchuk A.V. (2002) Postfordistskie kontseptsii kak issledovatelskaya programma [Post-Ford Concepts as a Research Program]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [*Economic Sociology*],* 3 (2): 46-61.

Smith C. (1989) Flexible specialization, automation and mass production. *Work, Employment and Society,* 3 (2): 203-220.

Storper M. (1994) The Transition to Flexible Specialization in the US Film Industry: External Economies, the Division of Labour and the Crossing of Industrial Divides. *Post-Fordism: A Reader,* Oxford: Blackwell: 195-226.

Storper M., Christopherson S. (1985) The Changing Location and Organization of the Motion Picture Industry, Los Angeles, UCLA Graduate School of Architecture and Urban Planning. *Research Monograph*, (127).

Vallas S. (1999). Re-thinking post-Fordism: The meaning of workplace flexibility. *Sociological Theory*17 (1), 68–101.

Vidal M. (2013) Postfordism as a Dysfunctional Accumulation Regime: A Comparative Analysis of the US, UK and Germany. *Work, Employment and Society,* 27 (3): 451-471.

Virno P. (2013) Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni [Grammar of the set: on the analysis of modern forms of life], M.: Ad Marginem

Zuboff S. (1988) *In the Age of the Smart Machine*, New York: Basic.

Zuboff S. et al. (2004) The Support Economy: Why Corporations Are Failing Individuals and the next Episode of Capitalism. RSA Journal, 151 (5513): 34–37.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Хумарян Д.Г. (2018) Утопия «гибкого мира»: политика гибких производственных режимов. *Социология власти*, 30 (4): 12-46.

Khumaryan D.G. (2018) "Flexible World" Utopia: Politics of Flexible Production Modes. *Sociology of Power*, 30 (4): 12-46.

Поступила в редакцию: 14.11.2018; принята в печать: 09.12.2018